

Русский актер из парижского пригорода Медона

Смелов - 1994 - 26 марта - в. 5
С-16

ВСТРЕЧИ

"Мы не в изгнании, мы в посланиии" - эту сакраментальную формулу едва ли не каждый более-менее заметный представитель так называемого русского зарубежья совсем недавно еще нес как щит, как свой жизненный девиз. Лев Кружнев - не из этого числа. "Я - частное лицо", - любит повторять он. Да и невозможно, назерное, русскому актеру представлять где-то, вне родины за русское театральное искусство - в этом его существенное отличие, скажем, от литератора. Театр всегда искусство коллективное. Даже если это театр одного актера - нужен, как минимум, еще режиссер. А к о л п е - к т и в - даже здесь, где безработных людей театра огромное количество, рождается крайне редко. И потому становится особенно горько, когда думаешь о судьбе тех, чье творчество когда-то было частицей нашего театра. Среди них - Михаил Козаков и Валентин Никулин, Анатолий Шатгинян, Елена Соловей... И Лев Кружнев.

Его осенний прошлогодний приезд в наш город, совпавший с октябрьскими событиями, краткие выступления на сцене Театра имени Комиссаржевской (монотрагедия "Кроткая" по Достоевскому и "Женитьба" с участием жены, Натальи Энке-Кружной и сына, певца-баритона Никиты) особого резонанса не вызвали. Рекламы не было. Зал был полупустой. Но та малая часть зрителей, что пришла на спектакли, испытала ощущение удивительное: как будто тот старинный русский реалистический театр, знакомый нам лишь по фотографиям и мемуарам современников - не конкретно МХАТ или Малый театр, а некий пласт театральной культуры прошлого - сохранился живым и свободным от всех позднейших наслоений. Высокая сценическая культура - культура речи, движения, жеста - в сочетании с правдой и подлинностью переживания - вот чему мы стали свидетелями...

Лев Борисович, казалось, совершенно не огорчился малочисленностью публики. Он был нездоров, нехотел тут прищипать и наша питерская сырость. Но - честно отработывал на сцене, играл, что называется, на износ, с трудом добирался после каждого спектакля до гостиницы.

"Эфросовец из Парижа"? - недоуменно вопрошал он, читая заголовок крохотной газетной заметки. - Звучит как "эсэсовец". Да и потом, ну какой эфросовец? Скорее уж я "пашенновец" - ведь Вера Николаевна Пашенная была моим первым педагогом. А если совсем честно быть, то я - "мамовец"...

Об Анатолии Эфросе Кружнев рассказывал неохотно, хотя именно с ним работал до самого отъезда, то есть до 79 года. А первая встреча произошла в 57-м - в "Современнике", тогда еще называвшемся студией молодых актеров. Эфрос ставил комедию Эдуардо де Филиппо "Никто" - пригласил Кружнева на специально придуманную роль ведущего, "озвучивающего" ремарки. Затем Кружнев снялся у Эфроса в фильме "Шумный день" по Виктору Розову. Как только Эфрос возглавил Ленком - пришел по его приглашению туда. Были "Мой бедный Марат", "До свидания, мальчики", "В день свадьбы", булгаковский "Мольер". Вслед за Эфросом Лев Кружнев вместе с группой актеров (Ольга Яковлева, Лев Дулов, Александр Ширвиндт) перешел на Малую Бронную, сыграл Тузенбаха в "Трех сестрах". Затем между учителем и учеником возник конфликт - Кружнев ушел на два года в Театр Ермоловой. Не выдержал - вернулся обратно. Но ненадолго, вскоре предостоял отъезд.

"Конечно, ремеслу, профессии научил меня именно он. Если говорить о более глубоких вещах, то вначале все у нас совпадало. Но наступило время, и я стал иметь наглость выражать то, что хотел именно я, а не Анатолий Васильевич... Плохо лишь, что наш "развод" произошел в довольно-таки некрасивой форме - надо уметь расставаться более изящно. Только в этом мой грех..."

Раскрутить Льва Борисовича Кружнева на обстоятельный разговор, выведать подробности той или иной истории - дело безнадежное. И не только для журналистов, но и для людей,

знающих его вроде бы близко, для парижских друзей. В чем причина конфликта? "Внутреннее расхождение" - и все. Причина отъезда? Только одна - был "чужим".

"Помните, в "Театральном романе" есть замечательное место: автор читает пьесу - и ворвалась адругу тетушка, из дварей закричала: "Фимочка, чужой"! Так и я - никаких поступков особенных никогда себе не позволял. Просто те, кому надо, ощущали: не наш, чужой. В Париже я узнал случайно, что, оказывается, в дипломной работе у Андрея Тарковского "Каток и скрипка" вместо Заманского должен был играть я. Андрей рассчитывал именно на меня. Запретили! Почему? Хрен их знает. Лицо не такое! У них классовое чутье было гораздо сильнее, чем у собак. Они уже тогда чуяли, к чему эта морда стремится..."

Лев Кружнев и Наталья Энке-Кружная (бывшая актриса московского Театра Сатиры) живут в пригороде Парижа, Медоне. Дом их все время открыт для гостей из России, одни постоянцы сменяют других - друзья друзей, родственники дальних родственников...

В том же Медоне есть Центр Святого Георгия. Студенты со всего мира съезжаются сюда для изучения русского языка и русской культуры. Много лет супруги Кружные читали студентам лекции и ставили с ними спектакли на русском языке. Гоголь, Чехов, Крылов, Лермонтов, Рошин... 103 спектакля - за 13 лет. Через пространство сцены студенты осваивали не только язык, но и азы русской культуры. Лишь год назад эту необычную форму обучения языку по ряду причин пришлось прервать. Теперь Лев Кружнев читает лекции по русской культуре в другом месте - в крупном международном банке "БНП".

До отъезда он часто снимался в кино. Многие помнят его в картинах "Мимо окон идут поезда", "Таинственная стена", в фильмах Калика - "Человек идет за солнцем", "Первая колыбельная", "Любить"... Был у него небольшая кинематографический опыт и во Франции.

"В четырех фильмах я снялся и сказал: конец! Этого больше не будет. Естественно, я играл всегда русских. И когда пытался режиссеру объяснить, что тот или иной момент решен неправильно, что получается самая развесистая клюква, он в ответ махал рукой: а, для французского зрителя это все неважно! Был один фильм, молодые французы снимали, по сценарию Александра Александровича Зиновьева. Приезжает советская туристическая группа на Запад - и один исчез, а в конце фильма появляется. Оказывается, он бежал, где пописать искал. Но главное - это реакция группы, то, что с людьми происходит. Нет, говорит режиссер, главное - как смешно, что он бегае и хочется ему писать... Я как раз его, который бегае, и играл. Но больше мне этим заниматься как-то не к лицу..."

Жена Льва Борисовича, Наталья Энке-Кружная, прекрасная характерная актриса, выходит на сцену еще реже, чем ее муж. Пожалуй, Агафья Тихоновна в "Женитьбе" - единственная роль, которую она играет до сих пор (Льву Борисовичу же в этой постанов-

ке суждено поочередно играть всех ее женихов). Наталья Владимировна занята в основном другим - своей ассоциацией под названием "Прямая помощь". В ассоциацию входят бывшие россияне, среди них, кстати, и вдова Виктора Платоновича Некрасова. Деньги, вещи, продукты регулярно пересылаются небольшими партиями сюда, в Россию - пожилым, больным, многодетным семьям. Среди адресатов "Прямой помощи" - три семьи в Петербурге, одна в Гатчине. Скромно? Но на большее сил и средств не хватает.

А главное дело семейства Кружных - религиозная радиостанция "Благовест". Уже четыре года дважды в неделю звучат их передачи на Украине, Белоруссии, в трех прибалтийских странах, на Дальнем Востоке, в Москве. Специфика "Благовеста" - экуменизм, сближение христиан разных конфессий. "Будьте едины как я и отец мой едины..." Нести слово Господне, преодолевать возникающие порой внутрицерковные разногласия, наконец, просвещать людей - так видят смысл этого дела Лев и Наталья Кружные. При всем, казалось, наступившем тотальном равнодушии к религии (если не сказать большего) со стороны россиян, при обилии религиозной тематики во всех доступных средствах массовой информации, скромная станция "Благовест" до сих пор регулярно получает мешки писем из России.

"Мы стараемся материалы давать поровну: в понедельник рассказываем о западном святном, во вторник - о православном, сегодня читаем проповедь архиепископа Парижского, завтра - проповедь православную... Ведь в главном все едины. По крайней мере, для простых людей нет разницы. Они не знают - католики они или нет, но понимают, когда говорят о Боге, о мире, о спасении души. Всем мешает эта политика ужасная... Уже если христиане войну устраивают меж собой, что ж говорить о неверующих? Так что стараемся, насколько хватает сил, служить миру, а не войне".

А два года назад, в Пасху, Лев Кружнев встретился с Папой, Иоанном Павлом II. Вместе с Ириной Алексеевной Илювайской, редактором "Русской мысли", и несколькими помощниками Кружнев давал русский комментарий к телетрансляции пятничного крестного хода в Колизее и воскресной службы в Соборе Святого Петра. В понедельник Папа пригласил россиян на службу в свою домашнюю церковь, с каждым поговорил, вручил каждому подарок. Очень развеселился, узнав, что Кружнев - актер, обрадовался: я ведь в молодости тоже был актером - играл на сцене в маленьком рабочем клубе...

Лев Кружнев приезжал осенью в Россию и в Петербург - по личному приглашению российского министра культуры - первый раз за 14 лет. Может, и в последний. Светится то здесь, то там, занимается саморекламой, изображает из себя участника процесса, афиширует свою тревогу и скорбь о будущем России подобно многим другим соседям по эмиграции - это не для него. Затеять всевозможные акции "по культурному обмену", налаживать, как это принято говорить, "мосты" (укрепленные практически всегда чисто коммерческими интересами) - не для него тем более. Как и демонстрировать то, что театр - искусство интернациональное, не знающее границ и барьеров. Увы, это не так - если речь о театре не уличном и площадном, не о балете и пантомиме, а о том традиционном русском театре, уходящем корнями в древность, театре, привязанном к литературе, слову, языку. Есть границы, непреодолимые для искусства. Лев Кружнев это хорошо понимает. И может потому - оставаясь человеком искусства, театра - пытается их преодолеть другими способами.

Не случайно все-таки именно в Международном день театра мы решили рассказать о русском актере, отшельнике из парижского пригорода Медона.

Максим МАКСИМОВ

Фото Александра Николаева